

ФРАГМЕНТ 1. По сути, «Пролог»

Тонкий деревянный пруток расшурудил сырые поленья, и в ночной холодный воздух взметнулся столб ярко-красных искр. Взлетев на высоту трех метров, они друг за дружкой догорели и превратились в невидимый пепел.

Максим Ефименко поежился от холода и придвинулся ближе к огню. Боль в простреленной руке заставила поморщиться. Вокруг лагеря людей горят семь костров. У каждого дежурит часовой. Монстры, которыми являются звери этого мира, могут появиться в любой момент и нарушить зыбкую тишину.

Саша Бодров осторожно высунулся из палатки. Тихо выругавшись, спрятался обратно и спустя секунду появился с автоматом в руке. С трудом встав, прихрамывая пошел к костру Максима. Положив заранее прихваченный коврик на сырую землю, попытался сесть, ворча словно старик. Наконец-то сумев, с блаженством вытянул левую ногу и принялся массировать ее чуть выше колена.

— Болит? — тихо спросил Максим.

Саша кивнул:

— Уснуть не могу. Тянет ужасно. Хоть волком вой... Как твоя рука, Макс?

— Нормально, Саш. Болит, и это хорошо. Значит, есть чему болеть. Жаль, что кость зацепило. Хрен дождешься теперь, когда она срастется...

Булат Мусин и Денис Нугуманов бесшумными теньями возникли из темноты, не забыв синхронно прорычать: «Свой!» Максим и Саша опустили стволы автоматов. Часовые у других костров зашевелились, но лишних вопросов задавать не стали. Возвращения разведчиков ждали вечером, но они немного задержались и объявились в полночь.

Присев на корточки рядом со стопкой сырых дров, Денис подкинул в огонь два полена и сказал:

— Мы все проверили. Погоня отстала. Из двенадцати оставленных ловушек они напоролись на семь. Сколько человек отряд погони потерял, понять не смогли, потому что зверье не медлит. Судя по крови, минимум три десятка потеряли. Утром нужно снимать лагерь и выдвигаться в горы. Мы рискнули забраться на перевал и смогли увидеть свечение. Город Феррум совсем близко. Его башню ни с чем не спутать. Отсюда получается около двух сотен километров пути.

— Я думал, что вы не вернетесь... — Сашка, постанывая, лег на коврик. — Было сложно?

Булат прилег рядом, сунул травинку в рот и ответил:

— Ну как сказать... пострелять пришлось. Пару раз нас чуть не сожрали. Как думаешь, трое суток в местных джунглях могут быть простыми?

— Вот поэтому я боялся, что не вернетесь, — сказал Саша и замолчал.

Максим начал думать. Из Иерихона, после ожесточенного боя и провала тщательно спланированной операции по спасению товарищей, выбраться удалось благодаря чуду. На начало боя, когда весь отряд был в сборе, было сто семь человек. После того как погоню удалось сбросить в джунглях, осталось пятьдесят два человека. Пятидневный переход по местам, где еще не ступала нога человека, унес жизни еще пятерых. Итого сорок семь бойцов, из которых семнадцать имеют легкой и средней тяжести ранения. Тяжело раненных одиннадцать. Девятнадцать человек, к которым Максим не относится, сумели выйти из боя целыми и невредимыми.

За пять дней отряд прошел около ста километров. До города Феррум, который является самым крупным добытчиком железа этого мира, двести километров по прямой. Через горы. Сложный маршрут, который выдержат не все. Если идти в обход, то расстояние увеличится минимум в три раза. Время — то, чего почти нет. Раненым нужны лекарства. Отряд должен добраться до Феррума как можно быстрее.

Денис, поборов себя, спросил:

— Все живы?

Максим кивнул и сказал:

— Все живы, но хорошего мало.

Ольга Баркова вышла из самой крупной палатки. Опустив руки в котелок с холодной водой, принялась смывать с них кровь. Следом за ней вышла Раиса Серкова. Приблизившись к костру, встала за спиной Максима. Прошептала:

— Этот мальчишка... якут... его звали Талбан... сколько ему было?

— Ему было девятнадцать, — ледяным голосом сказал Максим. — Сука, я так больше не могу...

— Ты так больше не можешь? — Котелок отлетел в сторону. Ольга Баркова, с ног до головы покрытая кровью, быстро подошла к костру. Сашка, ногу которого она задела, зажмурился от боли, но промолчал. — Ты так больше не можешь, Макс? Ты не можешь? Я не могу! — Ольга рухнула на колени, обхватила голову руками и завывала: — Я пыталась... я вытащила пулю, но не смогла сшить артерию... мои руки отказываются слушаться... — Перемена была резкой. Встав, Ольга громко спросила: — Этого ты добивался, Макс? Этого ты хотел? Ты понимаешь, что они умирают? Осипов может не встретить последнее утро! Кузнецов уже третьи сутки не приходит в себя! Зайди в палатку и посмотри! Зайди! Почему ты боишься зайти? Тебе стыдно?

— Заткнулась и слушай меня! — Изуродованное лицо Зубаря медленно проявилось в свете костра. Он вышел из леса абсолютно бесшумно и остановился. Посмотрев на Ольгу, сказал: — Не нужно искать виноватых в случившемся. Все, погибшие и живые, приняли добровольное решение. Макс никого не заставлял. Он всего лишь тот, кто позвал. Мы пошли. Нет здесь виновных. Есть проигравшие. Все! Посмотрите на мое лицо и вспомните, из-за кого оно стало таким. Я винил? Нет, ни единожды. Я был добровольцем. Мы, несомненно, в глубокой жопе, но сдаваться не следует. Ты, Ольга, врач. Единственный из нас, кто способен по-настоящему лечить. Хватит истерить. Просто вернись в палатку и делай свою работу. А мы будем делать свою...

Зубарь замолчал, и стало тихо. Ольга, покачиваясь, пошла к палатке. Раиса пошла следом.

— А теперь расходимся по палаткам и ложимся спать, — начал командовать Зубарь. — Все до единого. Макс, ты тоже. Я подежурю. Тем, кому не спится, советую считать овец. Если не поможет, пьем снотворное. Если и оно не подействует, то просто лежим и ждем утра. С рассветом вы нужны мне полные сил и готовые к любым трудностям. Этот чертов Феррум — он совсем близко. Лекарства и еда будут. От Феррума до Анкора рукой подать. Там нас ждет транспорт. Там нас ждет дорога домой. Выполняем приказ!

Возражений не последовало. Бойцы нехотя разошлись по палаткам. Зубарь, сев у костра, стал похож на статую, смотрящую в темноту мертвым взглядом единственного глаза.

Булат Мусин вошел в самую большую палатку, выделенную под ночной госпиталь. От запаха гноя, мочи и дерьма его затошнило. Так пахнет смерть. Сумев подавить рвотный рефлекс, он начал помогать

Раисе и Ольге. Девятнадцатилетний якут по имени Талбан был завернут в грязные тряпки и вынесен из палатки. Утром его тело будет закопано, а затем отряд отправится в путь.

Ольга и Раиса занялись ногами Адама Олаффсона, которые сильно посеколо осколками. Швед очнулся от первого касания. Лицо перекошилось от боли, но он жестом дал понять, что терпит и анестезия не потребуется. На пол, один за другим, начали падать бурые бинты.

Илюха Осипов лежит на тонком матрасе. Булат сел у его головы, взял в руки губку и начал протирать лицо раненого товарища холодной водой. Потрескавшиеся губы, почти не шевельнувшись, прошептали:

— Воды...

— Воду ему не давай! — рявкнула на всю палатку Ольга, даже не посмотрев.

— Не собирался... — буркнул Булат.

Крик разбудил Илюху. Несколько секунд, и взгляд стал осмысленным. Улыбнувшись, он тихо сказал:

— Здорово, Булатка. Рад, что вы вернулись... вы ведь вернулись?

Булат кивнул:

— Да, дружище, мы вернулись. Все нормально. Осталось совсем немного потерпеть. Скоро тебя подлечим, и будешь как новенький.

— Не могу отличить реальность от бреда... — шепотом пожаловался Илюха. — Хочу пить... безумно хочу пить... чертова пуля... она просто изрешетила мои кишки... — Он с трудом повернул голову и посмотрел на лежащего рядом Кузнецова Пашку. Прошептал: — Друган, ты чего бледный-то такой? Думал, что тебя уже починили. Будь твоё тело механизмом, я бы отремонтировал его...

— Осипов, не разговаривай! — прорычала на всю палатку Ольга. — Спи! Булат, ты тоже иди. Нечего тебе здесь делать...

— Я приду утром. — Булат положил руку на щеку Илюхи. — Спи, дружище. Набирайся сил...

Саша Бодров все-таки решил выпить пару таблеток. Обезболивающее, чтобы успокоить посеченную осколками ногу, и снотворное, чтобы побыстрее заснуть. Булат Мусин осторожно забрался в палатку с тускло светящимся фонариком в руке. Раздевшись, закутался в тонкое одеяло и спросил:

— Сань, не спишь?

— Нет. Перед твоим приходом колесами закинулся. Нога совсем покоя не дает.

— Сань, расскажи, что там было. Ты единственный, кто добрался до комплекса. Нога... это правда?

— Да, Булат. — Саша невольно вспомнил увиденное: порванный на куски броневик, бетонное крошево, деформированный металл, пластины активной брони, оторванная ниже колена нога...

— Не хочешь говорить? — спустя полминуты спросил Булат.

— Скажу... Я видел ногу. Чья она, не знаю. Кровавый след. Они ушли в подземную реку. Ушли, и неизвестно, где теперь находятся. Может, живы. А может, уже и нет...

Булат, который уже слышал рассказанное не раз, сказал:

— Уверен, что Андрюха и Никита живы. Мы знаем немного, поэтому все, что можем, это надеяться. Иерихон не успокоится и пустит за нами новые отряды. Выжить будет сложно.

— Да, Булат. — Сашка почувствовал, что начинает засыпать. — Нам придется постараться, друг. Давай спать. Доброй ночи...

ФРАГМЕНТ 2. По сути, тоже «Пролог»

Гневно посмотрев на нового начальника службы безопасности, Петр Алексеевич Дорошенко закричал:

— Как, твою мать, они смогли уйти? Как, сучьи вы дети? Нам что, брать оружие в руки и вместо вас идти догонять их? Не служба безопасности, а сброд неподготовленных салаг!

Дэвид Нэш, ставший начальником службы безопасности «Феникса», непоколебим. Дорошенко орет, разбрызгивая слюни, и похож на готовый лопнуть в любую секунду помидор. Кряжистый психопат, с почти квадратным лицом и хитрыми глазками, не способен вывести Дэвида из себя. А если и окажется способен, то тут же умрет. Двухметровый американец просто открутит голову бывшему политику и положит ее на стол.

— Петр Алексеевич, может, ты уже замолчишь? — спросил Рональд Остин, сидящий в огромном кресле с изящной дымящейся трубкой в руке. Пустив дымок, он посмотрел на Чао Паня и заинтересовался: — Вам, мой многоуважаемый коллега, не кажется, что Петр Алексеевич немного перегибает? Уже несколько минут у меня складывается впечатление, что в правлении «Феникса» не три, а один человек. — Взгляд был медленно переведен на Дорошенко. — А вам так не кажется, Петр Алексеевич? Советую вернуться на диван и с несвойственной вам терпеливостью выслушать доклад Дэвида Нэша.

Петр Дорошенко резко усмирив пыл и плюхнулся на диван. Растолстевший и постоянно потеющий Рональд Остин, похожий на старого зажиревшего хряка, его злит. Но, увы, как бы этого ни хотелось, Петр не может портить с ним отношения, потому что вредить самому

себе не намерен. Оказавшись в одной лодке с китайцем и американцем, ему придется прислушиваться к их мнению. По крайней мере, до тех пор, пока он не придумает, как стать единственным человеком в правлении «Феникса». Но больше, чем Остин, Петра злит до ужаса молчаливый китаец-коротышка Чао Пань. Скрытный и наблюдательный, он точно замышляет что-то нехорошее.

— Говори, Дэвид. — Петр Алексеевич разрешающе махнул рукой.

— Советую вам быть более сдержанным. — Чао Пань, сощурился и без того узкие глаза, посмотрел на Дорошенко. — Вы, Петр, раньше были политиком. Жизнь что, вас так ничему и не научила?

— Я был президентом, — с гордостью в голосе поправил китайца Дорошенко. — Не путайте, Пань.

— Плохим ты президентом был, Петр. — Рональд Остин положил трубку в пепельницу, сделанную из златия, который является более дешевым аналогом золота. Впрочем, последнего в этом мире тоже навалом. — Твой характер и жажда наживы все погубили. Они привели к тому, что ты попал в этот мир. Не хочешь продолжать.

— А ты не продолжай! — почти закричал Дорошенко. — Я в этот мир не из-за характера сбежал два года назад. Я сбежал из-за русских, которые хотели меня убить.

— Если бы русские хотели убить вас, Петр, они бы убили, — сказал Чао Пань. — Покушение, которое было совершено, организовали фанатики республики, которую вы бомбили почти пять лет. Вы в этом мире только благодаря себе, Петр Алексеевич.

— Ну все, хватит. — Рональд Остин кивком показал Дэвиду Нэшу: докладывай.

Начальник службы безопасности «Феникса», организации, которая сменила изжившее себя «Светлое будущее», заговорил:

— Отряд, пущенный в погоню, вернулся три часа назад. Из семидесяти семи бойцов выжило сорок шесть, при этом тринадцать из них ранены. Беглецы установили ловушки, обнаружить которые было сложно и, не побоюсь сказать, почти невозможно. Боевого столкновения не было. Все потери отряд преследования получил посредством ловушек. Новый отряд преследования, в который войдут опытные следопыты, рожденные в этом мире, выступит завтра.

— Я не пойму одного, — не смог сдержаться Дорошенко. — Как все это могло произойти? Как три человека сумели сбежать от целой армии? Помощь, которую им оказали в самом конце, она ведь была почти не нужна. Убежать в пещеру... Это немислимо!

— Мы искали и нашли, — продолжил докладывать Дэвид Нэш, удостоверившись, что Дорошенко замолчал. — Пришлось копаться

в видеозаписях. Дотошно копаться. Адриан Лейн, известный как «король наемников», оказался не так беспомощен, как об этом говорил его бывшая правая рука Саид Аббас. У Лейна были купленные люди среди сотрудников «Светлого будущего». Один из таких людей отправил на объект «Скарабея». Точнее, он отправил туда семерых бойцов и дал им добро на использование броневедомобиля «Скарабей». Хуже то, что среди обломков, оставшихся от машины, мы нашли кейс с тестовыми инъекциями. В нем находились препараты, разработанные для американских спецподразделений. Всего в арсенале службы безопасности «Светлого будущего» имелись три кейса. На данный момент, как вы сами понимаете, в арсенале службы безопасности «Феникса» имеются два кейса...

— Ты нам что, про какие-то кейсы лекцию читать вздумал? — Дорощенко хотел вскочить и продолжить ораторство, но, увидев взгляд Дэвида, решил остаться на месте и замолчать. Виногато опустив взгляд, он прошептал: — Извиняюсь за ненужную резкость. Продолжайте доклад, Нэш.

— Выяснить, кем был отдан приказ и кто взял кейс с препаратами из резервного хранилища, не получилось. Все бойцы, которые получили приказ, мертвы.

Покашляв, Рональд Остин сделал останавливающий жест рукой и заговорил:

— Перебью вас, Нэш, потому что хочется узнать о записях с камер. Они ведь были?

— Да, — почти незаметно кивнул начальник службы безопасности. — Они были, но носитель, на котором хранились, отсутствует. Человек Лейна, кем бы он ни был, действовал быстро и осторожно. Он забрал препараты, положил в «Скарабея», а затем отправил на нем группу для осуществления захвата.

На этот раз не выдержал китаец. Дэвид Нэш, увидев его желание говорить, замолчал. Чао Пань спросил:

— Адриан Лейн прошел объект за семь минут. Семь минут тридцать одна секунда — время, которое прошло с момента, как он выпустил пулю в голову первого охранника, до момента, как «Скарабей» выехал с объекта. Верно, Дэвид?

Нэш кивнул.

— Разве за это время можно было успеть добраться до резервного склада, а затем вернуться...

— Я перебью, — сказал Дэвид Нэш. — Перебью, потому что рассказал не все. Человек Адриана Лейна действовал по заранее известной наводке. У нас имеется видеозапись пребывания Лейна и русских в тюремной камере. Уже на вторые сутки были сделаны несколько не-

принужденных жестов, и они продолжались вплоть до начала побега. Скорее всего, у Лейна и его человека имелась заранее спланированная схема. Думаю, что подобную ситуацию великий стратег предусмотрел, потому что ТАКОЕ без подготовки не провернешь. Итоги подвести несложно: Лейн получил транспорт, препараты и, имея ничтожный минимум, сумел сбежать, при этом прихватив с собой русских. Касательно этого все.

— Вы нашли его? — Дорошенко, красный от злости, медленно встал. — Вы нашли этого сукина сына, который помог Лейну? Покажите мне его, и я вытряхну всю душу из этой сволочи! Заставлю умилять о смерти...

— Да замолчи ты, дурачок, — недовольно сказал Рональд Остин. — Заставлять страдать людей не твоя работа. Забыл, что в правлении «Феникса» заседаешь? Есть добровольное желание опуститься на несколько ступеней вниз по иерархии? Устроим! Нет такого желания — будь полезен в том, что умеешь.

Дорошенко заткнулся и даже не стал бросать гневных взглядов. Остин жестом попросил у Нэша продолжения, и тот вновь заговорил:

— Человека Лейна мы пока не нашли, но поисков прекращать не собираемся. Восемь подозреваемых — не слишком большая цифра, поэтому совсем скоро будет предоставлен полученный результат. Есть предположение, что пособников у Лейна было более одного, но это только упростит задачу. Ни одна малейшая зацепка не останется без внимания.

— Хорошо, Нэш, мне нравится это. — Остин хитро улыбнулся. — По Лейну и русским что скажешь? Есть вероятность, что они погибнут? Наш немногочисленный аналитический центр смог дать хоть какой-нибудь прогноз?

— Аналитики дали ответ. Вероятность, что Адриан Лейн выжил в пещере после того, как лишился одной ноги, равна одному проценту. Ему шестьдесят с лишним лет, и несмотря на навыки, которые продемонстрировал при побеге, похвастаться здоровьем молодого он не может. Скорее всего, Адриан Лейн уже мертв от гангрены, незамедлительно начавшейся после потери ноги. Вероятность выжить у русских поболее. Они молоды, сильны и полны стремлений, но, как вы понимаете, в пещерах этого мира здоровье не слишком важный аргумент. Монстрам, которые живут там, неважно, какой ты живучий. Они едят самих себя. Что им какие-то безоружные люди?

Три человека, состоящие в правлении недавно созданной организации «Феникс», промолчали. Дэвид Нэш, выждав несколько секунд, сказал:

— Вопросов нет, а это значит, что я могу идти.

— Последний вопрос, — с несвойственной робостью сказал Дорошенко. — Нападавшие, которые помогли русским, вы установили, кто они?

— Вам известно, кто они. — Нэш впервые улыбнулся.

— Мне нужны имена и фамилии...

— Совершенно точно не известно, но всех русских, участвовавших в нападении, мы знаем. Для вас будет подготовлен список, Петр Алексеевич. Пришлю особым распоряжением, раз это так важно...

Рональду Остину пришлось терпеть диалог с Дорошенко почти тридцать минут. Первым ушел Дэвид Нэш. Следом за ним через пару минут комнату переговоров покинул Чао Пань, чем сильно обрадовал. А вот Дорошенко решил остаться и выяснить кое-какие нюансы и выяснял их полчаса, пока не понял, что выводит Остина пустой болтовней из себя. Раз за разом перемалывать словами то, что уже случилось, это бессмысленная трата как времени, так и сил.

Как только Дорошенко ушел, Остин нажал на кнопку, и входная дверь была заблокирована. Потайная, скрытая огромной картиной, открылась бесшумно, и в комнату переговоров вошел Саид Аббас. Безмолвный и похожий на крадущегося к добыче хищника, бывший наемник прошел комнату и сел в кресло напротив Остина.

— Что-то изменилось? — с опаской поинтересовался американец.

— Нет, все без изменений, но мои работодатели недовольны. — Холодный взгляд Саида будто заглянул в душу Остина. — Ты, Рональд, являешься одним из трех, но, по сути, стал главным. Не ударить в грязь лицом — это единственное, чего ОНИ от тебя хотят. Понимаешь?

Рональд Остин, нервно сглотнув, кивнул.

— Я рад, что ты понимаешь это. — Саид задумался. — Но я не рад тому, что вы хотите оставить Лейна и русских в живых. Глупо полагаться на удачу, когда она не слишком благосклонна в последнее время. То, что ваши головы уцелели во время чистки, — это не везение, а заранее продуманное решение. Не будь вас в списках, то головы были бы отрезаны. Задумайся.

Остин смог найти силы, чтобы спросить:

— К чему ты клонишь, Саид?

— Я не клоню, а говорю напрямую. Лейн страшный человек, если ты не знал. Я надеялся заполучить его империю, но остался никем, если не учитывать работодателей. Все наемники, подчинявшиеся Лейну, разбежались. Кто для них Саид? Просто наемник, такой же, как и они. Империя развалилась, но ее еще можно собрать. Для этого нужно всего лишь вернуться Лейну.

— Но Лейн должен умереть в пещере! — крикнул Остин и испугался.

Саид засмеялся, и у американца похолодело внутри. До ужаса злой наемник сказал:

— Если у Лейна будет хотя бы тысячная доля процента на выживание, то он ей воспользуется и выживет. А если выживет, то пропадет умело и надолго, чтобы затем появиться с залезанными ранами и полным сил. Что такое одна нога? Лейн, не удивлюсь этому, даже не расстроится.

— Н-н-н-нам... — Остин, сумев на секунду подавить страх, спросил: — Нам нужно что-то делать?

— Найти русских и Лейна, а затем убить. Еще нужно убить тех, кто помогал им, и тех, кто остался в поселках. Маленькая просьба: я должен быть в отряде преследования, который совсем скоро отправят в погоню. Личные счеты, сам понимаешь. Раньше Лейн меня ограничивал, но пришло время свободы. Кое-кто скоро умрет. — Встав, Саид бросил Рональду небольшой блокнот. Уже на пути к потайной двери он тихо сказал: — Там все расписано. Советую следовать указаниям, иначе ОНИ будут не рады...

ФРАГМЕНТ 3

Плохо помню первые дни в пещере. Точнее, не помню совсем. Все дни я был горой фарша, который не переставая жарился в кипящем масле. Каждая клетка кричала, что больше так не может и лучше просто сдохнуть, чем терпеть все это.

Разум, не желавший сдаваться болезни, упорно боролся. Его борьба заключалась в создании сновидений, в которых не было ничего, кроме страданий. Там меня резали, кипятили, сжигали, замораживали и, сложно поверить, даже распинали. Крест был огромен, как тысячелетний дуб. Толстые, как крупнокалиберные патроны, ржавые гвозди не хотели вбиваться в крепкую древесину. Угрюмые и одетые в черные балахоны безмолвные тени не теряли упорства и продолжали махать огромными молотами. Сновидения повторялись раз за разом, и не было им ни конца, ни края.

Очнуться лежащим на мягком диване было странно. Интерьер помещения пестрит дорогим деревом. Потолок низкий, всего два метра. Возле головы сидит кто-то огромный и натужно пыхтит. На боль в теле внимания не обращаю. На головную — тем более!

Большой пошевелился, и надо мной нависла туша медведя. Ужасная пасть открылась, и из нее пахнуло... фиалками!

— Угрх, а ты... — Легкие загорелись, охваченные диким приступом кашля.

Я попытался свалиться с дивана, но сильная лапа не позволила. Рядом с медведем появился Андрюха. Живой и с виду совсем здоровый. Усмехнувшись, он сказал:

— Опростоволосился ты, шерстяной ублюдок. Не собирается Никита помирать. Трое суток всего прошло, а уже очнулся. Я выиграл спор!

Медведь прекратил держать меня и пропал из виду. Недовольно прорычал:

— Сдохнуть он еще может. Кто знает, может, очнулся, чтобы попрощаться. Это распространенное явление. И не трое суток прошло, а шесть. Трое суток назад пришел я, но считать нужно с момента, как он заболел.

— Заболел? — сумел спросить я и тем самым возобновил кашель.

Справившись с приступом и морщась от жжения в легких, начал осматривать интерьер помещения. Рядом, в метре, кровать. На ней лежит мертвецки бледный Адриан Лейн. По легкому шевелению груди можно заметить, что он дышит. Окон нет. Есть единственная дверь, но слишком маленькая, чтобы называться полноценной. Неужели Угрх прошел через нее?

— Как думаешь, кожаный ублюдок, он сможет увидеть различия? — поинтересовался медведь, все еще сидящий у изголовья дивана, на котором лежу. — Если Никита туп так же, как ты, то различий точно не увидит. Пари?

— Думаю, что он поймет, — сказал Андрюха из угла помещения, которое от меня пока скрыто. — А насчет тупости, хомяк ты переросший, можешь быть уверен: самое тупое существо на многие километры вокруг — это ты.

Раздалось прерывистое рычание, в котором несложно угадать смех. Медведь резко встал и приложился головой о слишком низкий для него потолок. Свет, и без того тусклый, заморгал, а помещение принялось сильно шататься.

— Сорок седьмой! — радостно воскликнул Андрюха и захохотал. — Снова подтвердил свою тупость, генно-модифицированный ты енот!

Медведь не стал отвечать. Приблизившись к двери, открыл ее и с трудом смог выбраться из помещения в темноту. Я, боясь возвращения кашля, осторожно спросил:

— Где мы, Андрюх? Ты что, нашел в пещере дом?

— Где, где... — Боков осторожно присел на край дивана, на котором лежит Лейн. — Мы, если честно сказать, на судне. Яхта это, Никита. Достаточно большая, в меру роскошная яхта.